

Халюта Алексей Сергеевич, магистрант,
Севастопольский государственный университет

ПРИНЦИП СВОБОДЫ ДОГОВОРА И ЕГО ПРЕДЕЛЫ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается принцип свободы договора как одно из основных начал гражданского законодательства. Показано, что подлинное содержание принципа раскрывается не столько в декларативной формуле статьи 421 Гражданского кодекса РФ, сколько в системе сопровождающих её пределов – от требования соответствия императивным нормам до контроля справедливости договорных условий. Особое внимание уделено проблеме разграничения императивных и диспозитивных норм и значению Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и её пределах», заменившего формальный критерий телеологическим. Обосновывается вывод о том, что свобода договора носит не абсолютный, а ограниченный характер, а вопрос о её пределах неотделим от вопроса о цели правовой нормы.

Ключевые слова: Свобода договора, пределы свободы договора, императивные нормы, диспозитивные нормы, добросовестность, защита слабой стороны, несправедливые условия договора.

Свобода договора принадлежит к числу основных начал гражданского законодательства (ст. 1 и 421 ГК РФ) и продолжает в сфере обязательственных отношений конституционно признанную свободу экономической деятельности (ст. 8, 34 Конституции РФ). Однако всякий, кто переходит от деклараций к практике, замечает, что в чистом виде эта свобода нигде не существует. Договор, заключённый вопреки закону, не порождает желаемых последствий; навязанное более сильным контрагентом условие может быть пересмотрено судом; сделка с противоправной целью ничтожна. Подлинное содержание принципа раскрывается, таким образом, не столько в торжественной формуле статьи 421 ГК, сколько в сопровождающей её системе ограничений. Поэтому разговор о свободе договора неизбежно превращается в разговор о её пределах.

Само содержание свободы договора принято раскрывать через три её проявления, которые статья 421 ГК воспроизводит почти буквально: свободу решать, вступать ли вообще в договорные отношения; свободу выбора контрагента; свободу определять условия договора, включая право заключать договоры, не предусмотренные законом, и соединять в одном соглашении элементы различных договоров [1, с. 153]. За этими свободами стоит идея автономии воли: обязательство связывает постольку, поскольку лицо само его на себя приняло, и в классической формуле *pacta sunt servanda* заключена не только обязанность исполнять договорённое, но и её обоснование [2, т. 1, с. 26]. В отечественной доктрине свобода договора последовательно осмысливается как один из системообразующих принципов частного права [4, с. 41].

Понималась она, впрочем, не всегда одинаково. В классическом праве XIX века свобода договора мыслилась почти безграничной: господствовала вера в то, что свободно заключённый договор по определению справедлив, ибо каждая сторона знает свой интерес и не согласится на невыгодное. Двадцатый век принёс разочарование в этой презумпции. Выяснилось, что формальное равенство сторон нередко прикрывает фактическое неравенство, а распространение договоров присоединения, условия которых одна сторона лишь принимает или отвергает целиком, окончательно подорвало представление о справедливости любого согласованного условия. И. А. Покровский ещё до революции замечал, что само наличие в

законе императивных правил очерчивает пределы частной воли, а вопрос о границах этих пределов есть один из труднейших в гражданском праве [3, с. 248]. Право ответило на это движением, которое принято называть социализацией договорного права, – усилением контроля за содержанием договора и защитой слабой стороны.

Действующее право устанавливает не одно, а целый ряд ограничений договорной свободы, различных по природе и назначению. Наиболее общий предел задаёт статья 422 ГК, требующая соответствия договора императивным нормам и охраняющая тем самым правопорядок в целом. Статья 169 объявляет ничтожными сделки, совершённые с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, защищая уже не отдельную сторону, а публичные устои общества. Пункты 3 и 4 статьи 1 вместе со статьёй 10 закрепляют требование добросовестности и запрет злоупотребления правом, оберегая интересы контрагента и третьих лиц. Статья 179 позволяет оспорить кабальную сделку, заключённую на крайне невыгодных условиях вследствие стечения тяжёлых обстоятельств, и стоит на страже реальности воли слабой стороны. Статья 428 о договоре присоединения вводит контроль явно обременительных условий в пользу присоединившейся стороны. Наконец, специальное законодательство – о защите прав потребителей и о защите конкуренции – объявляет ничтожными условия, ущемляющие потребителя, и запрещает доминирующему на рынке субъекту навязывать контрагенту невыгодные условия.

Несмотря на разнородность, все эти ограничения подчинены общей логике: чем заметнее фактическое неравенство сторон, тем уже простор для их усмотрения. И всё же именно в самом общем из них – требовании статьи 422 о соответствии императивным нормам – скрыта главная трудность темы: как отличить норму императивную от диспозитивной. Долгое время применялся формальный критерий: норму считали диспозитивной, лишь если она содержала прямую оговорку «если иное не предусмотрено договором», а при её отсутствии – императивной. Подход был прост, но приводил к сомнительным результатам: множество норм, лишённых оговорки по небрежности редактора, толковались как запрет, хотя никакой публичной ценности за ними не стояло, и свобода договора оказывалась куда уже, чем предполагает статья 421.

Перелом произвело Постановление Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 года № 16 «О свободе договора и её пределах». Суд отказался от формального критерия в пользу телеологического – основанного на цели нормы. Норма, прямо не запрещающая установить в договоре иное, может считаться императивной лишь тогда, когда это необходимо для защиты особо значимых интересов (слабой стороны, третьих лиц, публичных интересов) либо вытекает из существа законодательного регулирования; в противном случае её следует толковать как диспозитивную. Так была перевёрнута прежняя презумпция: молчание закона само по себе уже ничего не предвещает, и суд обязан вскрыть цель нормы. Допущено и обратное – диспозитивная по форме норма в исключительных случаях может применяться императивно, если этого требует её назначение.

Значение этого поворота трудно переоценить: он вернул статье 421 её действительное содержание и заставил суды обосновывать ограничения свободы содержательным анализом интересов, а не отсылкой к отсутствию оговорки. Платой за гибкость стал рост правовой неопределённости – телеологическое толкование требует от судьи оценочного суждения о целях нормы, и заранее предсказать квалификацию удаётся не всегда [2, т. 2, с. 14]. Логика Постановления № 16 восприняли и более поздние разъяснения Верховного Суда (постановления Пленума от 23 июня 2015 г. № 25 и от 25 декабря 2018 г. № 49), благодаря чему телеологический подход закрепился как общий для арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Тем же Постановлением защита от явно обременительных условий, предусмотренная статьёй 428 ГК для договоров присоединения, распространена на любые договоры, условия

которых сторона была лишена возможности обсуждать. Это означало признание самостоятельного института – судебного контроля справедливости договорных условий, не сводимого к проверке их законности. Условие может не нарушать ни одной императивной нормы и всё же быть пересмотрено, если оно явно нарушает баланс интересов в ущерб той стороне, которая не могла на него повлиять. В этом и состоит современное понимание границы: договорная свобода не должна служить прикрытием для эксплуатации более слабого контрагента, и контроль справедливости не отрицает свободу, а очищает её, отсекая случаи, где от свободы остаётся лишь видимость.

Подводя итог, отметим, что свобода договора в российском праве не является и не может быть абсолютной: это обеспеченная законом возможность самостоятельно устраивать свои отношения, действующая в очерченных правом границах. Главный урок современного развития института в том, что вопрос о пределах свободы договора неотделим от вопроса о цели правовой нормы. Поворот, совершённый Постановлением Пленума ВАС № 16, перенёс центр тяжести с формы регулирования на его назначение и тем самым вернул принципу его подлинный смысл. Свобода договора оказывается не данностью, а результатом постоянного взвешивания: автономия воли и предсказуемость оборота – на одной чаше весов, защита слабого и публичный интерес – на другой. Удерживать это равновесие и есть, в конечном счёте, задача договорного права.

Список литературы:

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М.: Статут, 2001. 848 с.
2. Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и её пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
4. Танага А. Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 211 с.

